

Ксения Маршанская

— Какие глаза были у Чарли Чаплина?

— Говорят, грустные. Пусть и будут грустные. У него были талантливые глаза.

— А где он был настоящий — на фотографиях в жизни или в фильмах?

— Думаю, и там, и там он немножко притворялся. В жизни — зависел от объектива: мы же не знаем, что он разрешал снимать, каким хотел себя видеть. В фильмах — от своих придумок. Настоящим он был в полном одиночестве. Вот туда бы заглянуть, когда вокруг него никого не было. Но для этого нужно уметь раздвигать время и стены. А так — притворялся. Вот у Шостаковича все время были грустные глаза. Он был естественный человек. Всю жизнь. Если чего-то боялся, боялся до конца. Он, например, всю жизнь боялся милиционеров. Он был очень нервный человек.

— Сильный?

— Да. В самом высоком смысле. Я не могу сформулировать то, что увидел на его фотографиях, когда репетировал роль Шостаковича. Для меня это тайна, которую я понял и почувствовал, как мне кажется: взгляд, наклон корпуса, движения рук. Я не хочу говорить о своей тайне... А еще у Чаплина были хитрые глаза.

— Как будто что он при этом чувствовал?

— Я думаю, кайф. Он, понимаешь, удачно обманывал. О чем он думал, играя? Никто не знает, кроме него. О чем угодно! Об ужине в ресторане с актрисой N, о будущем фильме, о счете в банке, например. Безумно печальные глаза? Думаю, он хитрил. Если он себя знал (а Чаплин не мог себя не знать, потому что он гениальный актер, придумавший сам себя), то хитрил.

— Чаплин был естественный человек?

— Немножко нет. Я думаю, у него были страшные комплексы. Например, комплекс маленького человека — по росту. Чаплин же был небольшого роста. Я думаю, он был нелегкий человек. Если вспомнить его походжения, бесконечные романы, шумный процесс о его любви к маленькой де-

вочке... Я думаю, он был и не очень добрый человек.

— Ты судишь по его фильмам?

— В фильмах это не так видно: в них всегда присутствует перевоплощение. Кроме того, он умел распоряжаться своими комплексами. Чаплин нашел свою тему в искусстве: маленький человек в большом городе. Хотя... Избиение партнеров, подножки, пироги в лицо — вот, пожалуй, ста. Может, за его смехом пряталась нелюбовь.

— Он кому-то мстил?

— Да нет, прикрывался. Для него это была маска. Такой человек.

— Чаплин был одинок?

— Я думаю, да. Если под одиночеством понимать состояние души. Не физическое одиночество. Тоска, фантазия, полный уход от реальности, воспоминания о том, чего в жизни никогда не было, — нет ничего приятнее одиночества.

— А он много говорил про себя интимного, личного в своих фильмах?

— Ну, понимаешь, это то, что остается во взгляде. Он может говорить и делать одно, а взгляд хранит воспоминания очень серьезные. Его личного одиночества, личных откровений. Все-таки, наверное, оба они — и Чаплин, и Шостакович — помимо гениальности, были не смешными людьми. Они были умными. А умный человек — разный. У них же умные глаза. Только не тот ум, под которым понимаются образованность и начитанность, а ум... очень глубокий. Ум души. Вот так.

— При жизни Чаплина многие его фильмы называли аморальными. Почему?

— Потому что на определенном этапе он, грубо говоря, полез не в свои дела, с точки зрения тех, кто считал его фильмы аморальными.

— Это в какие?

— В трагикомизм. Когда помимо смешного он начал затрагивать серьезные человеческие проблемы. Сначала клоун был просто смешон. И вдруг этот рыжий коверный захотел стать Гамлетом. И стал им в глубине души. А когда маленький смешной человек начинает говорить о серьезных вещах, это уже опасно: зачем? У нас есть трагикомии, кото-

рые прокричат об этом. Смешной человек не прокричит. Он — проплачет. Он заметит то, на что трагик, пусть даже великий, не обратит внимания. Почему комедийный актер, мне кажется, как никто может сыграть трагедию? Потому что он не может быть злым, его суть — доброта. А это значит — открытость, внимательность. Смешной человек должен быть очень внимателен, чтобы выбрать смешное. И когда он с этим своим пытливым взглядом идет во что-то серьезное, окружающим становится страшно. Люди такого склада глубже. Потом. Слово, сказанное по-человечески, интонационно доступнее, нежели патетика. Потому и опасно.

— Но ведь вокруг столько кричат о доброте.

— Я имею в виду доброту как внутреннее состояние человека, умеющего забывать и прощать зло.

— Чего Чаплину не могли простить?

— Свободы. Как любому таланту. Я думаю, как гениального человека его уважали, но свободы не прощали. Как это можно простить, когда ты ото всех и вся? Я не думаю, чтобы Чаплин был свободным человеком, но свободнее других. Он наверняка зависел от многих вещей — от дурного настроения, хотя бы от своего таланта. Наверно, те, кто его не любили, считали, что он свободен, а он как большой актер, я думаю, был несвободен от самого себя.

— А существуют вообще свободные люди?

— Да, единицы. Так же как и ощущение свободы испытывают единицы. Но оно существует.

— Чаплин получал в жизни то, что ему было нужно, или из этой нехватки рождались его фильмы?

— Существовала его жизнь, в которой было всего очень много. И людей, которых он обижал, и людей, которых любил, ненавидел. То, что он недополучал, придумывал. Вообще его мир — это такие катакомбы, такой лабиринт со своими ходами, только ему понятными, со своими тупика-

Сегодня. — 1994. — 15 янв. — с. 12. Сергей Маковецкий: красота слёз

Сергей Маковецкий — актер театра и кино. Исполнитель главных ролей в спектаклях «Государь ты наш, батюшка», «М. Баттерфляй», «Лолита», «Рогатка», кинокартинах «Патриотическая комедия», «Макаров». Лауреат премии «Золотой Овен»-1993.

ких софитах. Потому что при луне, в тишине, можно себя открыть и довериться свои очень личные, серьезные тайны, о которых при свете не говорят.

— Чаплин был экстравагантен?

— Да. Какие женщины его любили и каких любил он! Это тоже творческий момент. Ему всегда хотелось еще многого и многого во всем: и в творчестве, и в жизни, и в любви. Как можно больше новых ощущений, новых тем. Какая разница, сколько длились его романы? Главное, что он зажигался, что он был вне возраста и принадлежал искусству. Вне его рамок. Потому и вызывал настороженность.

— Отчего он так много эпати-ровал?

— По складу характера. Его эпатаж и оборачивался против него самого. Понимаешь, когда человек говорит другому то, что о нем думает, он разрушает иллюзии. А мы все, по-моему, пребываем в иллюзиях, в придуманности. Стоит ли ее разрушать?

— Почему только сам Чаплин написал о том, что он «открыл оригинальную манеру актерской игры и манеру раскрывать сюжеты»?

— Потому что вольности и свободы в высказываниях не прощают. Даже в отношении Чаплина. Поставить клеймо и успокоиться — легче. Не нужно заглядывать глубже.

— Но это же неинтересно.

— Неинтересно. Но мы говорим о людях искусства, а не о тех, кто эти рамки создает.

— Отчего персонаж Чаплина со всеми без исключения вступает в конфликт? С ним всегда что-то случается. По-человечески никогда не будет ни с кем и ни в чем?

— А он не хочет, чтоб было по-человечески. Ему так нравится.

— Ловит кайф?

— А почему нет?

— Кого бы мог сыграть Чаплин лучше всего?

— Гумберта Гумберта в «Лолите» он бы сыграл гениально. Он был аристократ, интеллигентный человек.

— Что такое детство?

— Состояние души. Не тогда, когда взрослый играет в наивно-го бабашку, тогда это граничит с дебилизмом и пошлостью. Детство — состояние души, неожиданные реакции, восторг, умение любить. Умение радоваться тому, что ты делаешь.

— А что значит: взрослый?

— Это когда впадаешь в хандру и скуку. Как скисший борщ. Мерзкое состояние скуки. Это значит: очень, очень взрослый человек. Тогда «так долго не живут».

— На сколько лет ты себя чувствуешь?

— Когда хорошее настроение, ну... дошкольная группа детского сада. По ощущению.

— А что значит: взрослеть?

— Взрослеть без кавычек — это серьезное и глубокое понимание и всех событий, и окружающих людей, умение в них разбираться, не обижать близких. Это умение любить. Настоящее умение. Не на сцене, а в жизни — уметь любить. Это хорошее взросление. Взрослеть как становиться неинтересным — тогда «так долго не живут».

— Но ведь и ребенок может обидеть?

— Может. Но никогда не совершит подлости по отношению к доброму человеку.

— Среди взрослых много детей?

— К сожалению, нет. Если бы было больше, жить было намного веселее.

— Взрослых детей не любят?

— Не любят. Потому что на их нервных окончаниях нет шелухи, которую человек накапливает за жизнь — хитрости, мстительности, пошлости, глупости, предательства. Взрослые дети открыты. Это не значит, что они чисты как стеклышко. Но их душа остается незапятнанной до конца. Поэтому с ними интереснее, и они намного порядочнее взрослых того же возраста.

— Тебе не кажется, что все конфликты идут от того, что кто-то повзрослел, кто-то нет? Как для тебя делится мир?

— А мир не делится. Он существует такой, какой есть. Другое дело, как ты в нем существуешь, каково твоё отношение к нему. Помнишь, Мармеладов говорил Раскольникову — мир делится на

добрых и злых, и премудрых и смиренных... И мы выйдем все, не стыдясь, и станем. И прострет Он к нам руке свои и мы припадём... и заплачем... и все поймём!.. И все поймут. Вот это великое понимание и твоего собственного предназначения, и твоей жизни; понимание не одного человека, а всех; когда мы припадём к руке... На это понимание мир разделен.

— Ты в «Рогатке» думал об этом?

— Нет. Сейчас вдруг, случайно вспомнил.

— А в каких случаях наступает смирение?

— Кто его знает когда. И приходит ли оно? Может, нам кажется, что мы смирились с чем-то. С искушением. С гордыней.

— Смирение — отказ от желаний?

— Не думаю. Это возвращение к ним, только на более сильном и трезвом уровне. Это свобода от других, как ни странно, и право на тайну. Люди, пришедшие к смирению, мне кажется, счастливы, потому что им открывается глубина познания, не всем доступная при жизни. У этих людей другие глаза. Как будто они видят то, что нужно видеть.

— Ты веришь в непознаваемое?

— Да. Талант, гениальность непознаваемы. Истинный талант.

— Как ты понимаешь ханжество?

— Делать вид, что тебе не нравится то, о чем ты все время думаешь по ночам. Когда тебя никто не слышит. Это, наверно, самое страшное качество. Притворяться. Делать вид.

— Когда ты играешь Галлимара, у тебя есть проекция на Оскара Уайльда?

— Вообще никакой. Есть внутреннее ощущение роли и потребность ее сыграть.

— Галлимару было наплевать, что о нем пишут в газетах?

— Абсолютно.

— Для него это не существовало?

— Для него существовали лишь те, кого он любил.

ЕЛЕНА СИДЯКИНА

* * *

МАСКА

Маковецкий Сергей

15.1.94